УДК 323

«ДАЙТЕ МНЕ ВОЛЮ – Я НАУЧУ ВАС СВОБОДУ ЛЮБИТЬ»: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В СИБИРИ В 1914–1917 гг.

© А.А. Иванов, П.А. Новиков

В статье характеризуется контингент политических ссыльных в Сибири к 1917 г. Проанализирована деятельность бывших ссыльных после февральской революции, их участие в борьбе за власть. Прослежена судьба ключевых персоналий.
Библиогр. 44 назв.

Ключевые слова: политическая ссылка, партии, война, борьба, власть, революция, комитеты, кооперативы.

«IF YOU GIVE ME A WILL I TEACH YOU HOW TO LOVE FREEDOM»: POLITICAL EXILES IN SIBERIA IN 1914–1917

A.A. Ivanov, P.A. Novikov

The article is devoted to political exiles in Siberia before 1917. Author analyses activity of former exiles after February Revolution and their impact to the struggle for power as well as luck of key persons.
44 sources.

Key words: political exile, parties, war, struggle, power, revolution, committee, cooperatives.

Словами заголовка статьи обращался герой дореволюционной русской песни к народу. Вероятно, именно так, ясно и просто, определяется жизненное кредо любого политического узника любой эпохи в любой стране.

Ссылка относится к ключевым факторам социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Сибири. Многоплановы и долгосрочны последствия подобной принудительной мобильности. Сибирь сурово испытывала характеры ссыльных, ссыльные влияли на характер местного населения. Итогом многолетних усилий оппозиции в России стали революционные события 1917 г. Политические процессы в регионах развивались по-разному, что требует обстоятельного анализа, как общесибирской специфики, так и особенностей «углубления революции» в отдельных губерниях, областях, уездах, городах; продуктивно рассмотреть взаимовлияние отдельных лидеров и общественно-политических настроений в регионах. Особую значимость в этой связи приобретает анализ роли бывших политических ссыльных.

На основе разнообразных источников создана обширная историография сибирской каторги и ссылки [14]. Причем если дореволюционные исследователи анализировали ее в целом, то приоритетной темой для советских авторов стала именно политическая ссылка и, в особенности, деятельность большевиков «в сибирской неволе». Значение этой деятельности, равно как и роль отдельных революционеров, сильно преувеличивались. Обзор деятельности наиболее активных из бывших политических ссыльных на территории Сибири в 1917–1918 гг. дан в статьях Э.Ш. Хазиахметова [35, 37]. Обширный фактический материал о политической ссылке представлен в воспоминаниях, большинство из которых, впрочем, в той или иной степени тенденциозны.

Сибирь использовалась российским государством как место ссылки политиче-

ских противников с начала XVII века. Сюда отправлялись «за измены» бояре, дворяне, стрельцы, крестьяне, посадские, старообрядцы. В XIX веке не по своей воле за Уралом оказались декабристы, поляки-повстанцы, петрашевцы, землевольцы, народники. В общей численности ссыльных в Сибири политические составляли от 0,6% до 1%.

Закон 12 июня[1] 1900 г. существенно ограничил уголовную ссылку, полностью отменил ссылку «на житье», но сохранил наказание в виде каторги и ссылки «на поселение» за политические и религиозные преступления. После революции 1905–1907 гг. масштабы политической каторги и ссылки выросли, в нее пошла «масса» – рабочие, крестьяне, интеллигенция. Ссылкой по суду или административной высылкой наказывались члены революционных партий, руководители военно-боевых организаций и рабочих дружин, участники восстаний в армии и на флоте. Около половины всех приговоренных к каторге за уголовные и политические преступления содержалось в Сибири. Среди каторжников начала XX века политические составляли до 10%. В этот период в политической ссылке можно выделить три категории: каторжане, ссыльные на поселение, административно-ссыльные (высланные под надзор полиции).

В начале XX века для содержания каторжников в Сибири использовались девять тюрем: в Западной Сибири – Тобольская, рассчитанная на 700 мест, в Иркутской губернии – Александровская («централ») – на 1448 мест, в Забайкальской области – Зерентуйская – на 340 мест, Алгачинская – на 300 мест и Акатуевская, Александровская, Кадаинская, Кутомарская, Мальцевская – по 100 мест в каждой. Семь тюрем в Забайкалье составляли «Нерчинскую каторгу». Через Александровский централ ссыльные отправлялись на север Иркутской губернии, а также в Якутскую и Забайкальскую области. Трудоспособные каторжники из всех тюрем во время Первой мировой войны направлялись на строительство железных дорог и гужевых трактов, работали на золотых приисках и в угольных шахтах.

На поселение ссыльных направляли или сразу по приговорам суда или по окончании срока каторжных работ. Ссыльнопоселенцы водворялись практически во всех уездах Сибири. Отдаленностью и суровым климатом выделялись северные районы: «Нарымская ссылка» в среднем течении Оби, «Туруханская» в низовьях Енисея, «Якутская». Ссыльнопоселенцы были лишены сословных и имущественных прав, не допускались на государственную службу и в общественные организации, им формально запрещалась[2] педагогическая, медицинская, научная деятельность. Ссыльнопоселенцы не получали пособий от казны.

Ссылка административным порядком на 2–5 лет осуществлялась без суда по решению Особого совещания при министре внутренних дел и губернских или областных правлений территорий, где объявлено военное положение или положение усиленной и чрезвычайной охраны. Причем в административном порядке не только ссылали в регионы Сибири, но и высылали из них. Во время Первой мировой войны большинство административно-ссыльных направлялось в Восточную Сибирь. Эта категория также ограничивалась в занятиях творческим трудом, но получала ежемесячное кормовое пособие от 5 до 20 рублей в зависимости от места ссылки и происхождения ссыльного, а также ежегодное пособие на одежду от 18 до 23 рублей.

Во время Первой мировой войны контингент политических ссыльных Сибири существенно обновился. Здесь по-прежнему оставались ссыльные, получившие после революции 1905–1907 гг. «вечные» сроки. Основная масса высланных административно на срок от 2 до 5 лет закончила свое пребывание и выехала на родину, однако их сменили участники выступлений 1910–1914 гг., пришедшие в движение более сознательно. Высочайший манифест 1913 г., изданный к 300-летию

[1] Все даты по старому стилю

[2] На практике известны многочисленные примеры, когда администрация закрывала глаза на творческую деятельность ссыльных.

дома Романовых, значительно сократил численность политической ссылки. Лица, совершившие не тяжкие преступления, освобождались от суда и наказания, административно-ссыльным более чем в два раза сократили срок поселения, каторжанам на треть уменьшили продолжительность работ [3].

Данные о численности политических ссыльных в Сибири к февралю 1917 г. разняться от 9831 [35, с. 106] до 14092 [8, л. 22; 43, с. 211] человек. Последняя цифра включает 7351 поселенца по суду, 6256 административно-ссыльных и 485 политических каторжан. Расхождение в цифрах, очевидно, возникло из-за того, что жандармские сводки включали и лиц, оставшихся в Сибири после окончания срока ссылки.

В сибирской ссылке в годы Первой мировой войны содержались представители 34 политических партий и течений. Их количественные показатели и процентное соотношение постоянно менялось, отражая масштабы и структуру революционного движения в России. Росла доля социал-демократов: с 30,3% в 1906–1910 гг., 33,5% – в 1911–1914 гг., до 38,5% – в период Первой мировой войны. На втором месте с минимальным разрывом всегда оставались эсеры [32, с. 4–5]: после первой русской революции эсеров в сибирской ссылке было 25,9% от всех ссыльных, после 1911 г. – 28,8%, и в годы войны – 34,4% [36, с. 24].

Отметим также, что большевики практически в любых обстоятельствах и условиях объединялись в организации по территориально-производственному принципу с обязательными руководящими органами, сбором членских взносов и периодической отчетностью. Эсеры относились к формальному объединению иначе, полагая, что строгая организация умаляет свободу «революционного творчества», служит на руку жандармам, приводя к провалу. Такое отношение уменьшало число эсеровских комитетов и подсчитываемую численность ссыльных социалистов-революционеров.

Среди членов РСДРП, отбывавших наказание сибирской ссылкой, большевики всегда преобладали, и значительно, над меньшевиками: после первой революции их превосходство составляло 2,9%, в 1911–1914 гг. – уже 4,9%, а в рассматриваемый период 27,4%. Такое «отставание» меньшевиков объясняется преобладанием легальных средств и методов деятельности, что и спасало их от сибирской каторги и ссылки.

Говоря о партийной структуре политической ссылки Сибири, следует особое внимание обратить на «беспартийных или неопределённых» ссыльных. Их численность была значительной: 15,5% в период революции 1905–1907 гг., 14,7% – после и 12,7% – в годы войны. Беспартийные в 1914–1917 гг. превосходили, например, меньшевиков (9,9%) и бундовцев (2,6%), взятых вместе, и занимали по численности третье место, уступая эсерам и социал-демократам [25, с. 75]. В отдельных регионах Сибири процент беспартийных был еще выше. В Нарымской ссылке в 1906 г. беспартийных было 28% от всех ссыльных, в 1913 г. – 30,8%, а в 1915 г. – 8,6% [30, с. 141]. Такая большая доля этой категории ссыльных объясняется размахом революционного движения 1905–1907 гг., захватившего широкие народные массы, когда в стремлении завоевать у царизма политические и экономические права объединялись самые различные слои российского общества, люди, часто далекие от каких-либо партийных организаций. Часть «стихийных революционеров» определилась в сибирской ссылке с партийной принадлежностью, однако большинство отошли от политической деятельности. Можно предположить, что именно беспартийные – в основном, ссыльнопоселенцы – быстро адаптировались, пустили в Сибири прочные корни, пополнив ряды крестьян и рабочих.

Представители анархистов в 1911–1914 гг. составляли 9% учтенных ссыльных, что почти равно числу меньшевиков (9,9%), затем в годы войны количество анархистов сократилось до 6%. Однако здесь, как и в случае с эсерами, следует учитывать особенности программных установок анархистского движения, которое, как известно, отрицало какую-либо формальную организацию. Значит, можно предположить, что в действительности в

Сибири ссыльных анархистов всегда было несколько больше.

Интересен и социальный состав ссыльных. В Иркутской, Енисейской губерниях и Якутской области доля рабочих среди политссыльных составляла 38,2%, служащих – 30,4%, «прочие и не указавшие» – 23,2%, далее «партработники, профессиональные революционеры» – 6,1%, «лица свободных профессий» – 3, 3% и земледельцы – 3,1% [41, с. 252]. В Нарымской ссылке фабрично-заводских рабочих – 36,2%, кустарей – 19,8%, торгово-промышленных служащих – 17,1%, интеллигенции – 12,9%. Таким образом большинство ссыльных составляли рабочие. Доля крестьян напротив минимальна.

Среди политических ссыльных преобладали русские – 49,1%. За ними следуют евреи – 20,4 %, украинцы – 8%, латыши – 7,8%, поляки – 6,3%, выходцы с Кавказа – 5,1%. Учитывая, что евреи составляли 4% населения Российской империи, а латыши около 1%, надо признать активнейшее участие представителей этих народов в революционном движении и, как следствие, высокую долю среди ссыльных.

Стесненные условия жизни, необходимость преодоления материальных и бытовых проблем способствовали объединению, сплочению ссыльных различных политических взглядов, национальностей, социального происхождения. В местах водворения ссыльных возникали внепартийные объединения, коммуны с уставом, выборным исполнительным органом, денежным фондом, кассой взаимопомощи, столовой, библиотекой или «общественной квартирой». Такие организации принимали прибывших в ссылку товарищей, помогали им найти жилье, оказывали первую материальную помощь, связывали с представительствами Красного Креста, организовывали учебу и досуг.

Внепартийные объединения ссыльных имелись в следующих поселениях Тобольской губернии – Березов, Демьяновск, Елизаровское, Самарово, Сургут, Тара, Тобольск, Туринск, Тюмень; в Томской – Каинск, Колпашево, Нарым, Тогур; в Енисейской – Енисейск, Канск, Красноярск, Минусинск, Осиново, Подгорное и др.; в Иркутской – Бодайбо, Витим, Жигалово, Зима, Иркутск, Качуг, Киренск, Усть-Кут, Черемхово и др.; в Забайкальской области – Баргузин, Верхнеудинск, Мысовск, Чита; в Якутской – Анга, Вилюйск, Олекминск, Якутск. Ссыльный обязан был периодически являться на поверку к исправнику, но, учитывая огромные расстояния и незначительное число полицейских чинов, контролировать жизнь политических было сложно.

Почти повсюду, где селились ссыльные, они давали частные уроки, обучали грамоте детей и взрослых, готовили к экзаменам. Только в Иркутской губернии действовало до 50 организованных ссыльными частных школ [23, с. 103].

Размещение большинства ссыльных в отдаленных небольших поселениях ограничивало влияние революционеров на политические настроения населения. Деятельность ссыльных дополняла антиправительственную работу находившихся на свободе членов революционных партий. Будучи профессиональными пропагандистами и партийными организаторами, политические ссыльные ускорили процесс усвоения учащимися и рабочими Сибири революционных идей, возглавив большинство конспиративных кружков. В созданные Е.М. Ярославским в Якутске марксистские кружки входили М.М. Амосов, М.А. Попов, П. Слепцов (Ойунский), С. Васильев, И. Бархатов и др., ставшие позднее видными коммунистическими деятелями в Якутии. Якутская учительская семинария стала своеобразным «рассадником большевизма». В Чите в учительской семинарии и землемерном училище получили «марксистскую закалку» Ф.Е. Балябин, В.А. Бронников, Г.П. Богомяков, И.И. Кириллов, С.С. Киргизов и другие активные участники борьбы за власть Советов в Забайкалье.

Являясь корреспондентами практически всех сибирских периодических изданий, ссыльные активно воздействовали на их идейное направление, характер, политическую остроту. Тесное взаимодействие политических ссыльных с вольными единомышленниками осуществлялось и в

структурах сибирской кооперации [7, л. 4, 26]. Представители ссылки стремились внедрить единомышленников из местного населения в правления и ревизионные комиссии кооперативов.

Основная масса политссыльных жила бедно, постоянно нуждалась и бралась за любую работу. Большая часть из них зимой перебивалась поденным заработком у крестьян, летом составляла бригады грузчиков, пильщиков дров, заготовителей рыбы или орехов [21, с. 245]. Например, самая крупная артель в с. Витим насчитывала в годы войны до 100 «политиков» [1, с. 90]. Многолюдными были артели в Жигалово (до 70 человек), Киренске, Усть-Куте, Качуге. Отдельные ссыльные занимались спекуляцией: скупкой, перекупкой, перепродажей.

Довольно распространенным явлением были побеги из ссылки. В Иркутской губернии в них участвовало 17,6% ссыльных, в Якутской области до 28% [46, с. 261]. Для организации побегов крупные колонии политических ссыльных создавали специальные фонды и паспортные бюро. Желающих вырваться из тяжелых условий ссылки было так много, что руководство эсдеков и эсеров было вынуждено особо определять очередность побегов. Бежать помогали в первую очередь активным работникам [2, с. 24].

В годы Первой мировой войны побеги из ссылки совершили 31 социал-демократ, 26 эсеров, 10 анархистов [34, с. 86]. Большевики И.С. Бабайлов, И.Л. Наханович нелегально поселились в Томске, М.И. Сычев – в Кольчугине, А.К. Гастев – в Новониколаевске, Д.П. Долбешкин, Г.М. Львовский – в Красноярске, С.И. Лебедев – в Чите, эсеры Ф.Ф. Федорович и Л.Н. Николаев – в Иркутске, В.К. Мнюх – в Омске, М.О. Меркушин – в Мариинске.

Активная часть ссылки всегда стремилась к объединению по партийному принципу, создавая в Сибири свои организации, комитеты и кружки. Некоторые группы политических единомышленников не оформлялись организационно, собирались лишь по конкретному поводу, например, чтобы выразить протест. Другие, наоборот, периодически проводили собрания, вели пропаганду в различных слоях сибирского общества. Первая мировая война, ужесточение полицейского надзора, сокращение ссылки и каторги – все это привело к уменьшению партийных формирований. В этот период в Сибири отмечено 54 организации ссыльных: 38 – у социал-демократов, 15 – у эсеров и одна – у анархистов. Объединения социал-демократов сократились вдвое, эсеров – втрое, а анархистов – в 13 раз [36, с. 36]. Таким образом, социал-демократы проявили большую организационную устойчивость.

Во время Первой мировой войны в Иркутске насчитывалось не менее 562 ссыльных различной партийной принадлежности, затем следовали: Красноярск – 196, Бодайбо – 145, Томск – 136, Якутск – 117, Черемхово – 114, Чита – 108, Новониколаевск – 78, Минусинск – 68, Канск – 62, Верхнеудинск – 39, Омск – 34, Ачинск – 31, Тобольск – 23, Барнаул – 18, Баргузин – 17 [24, с. 384]. Немалая часть ссыльных скрывала подлинное имя, другие – часто перемещались внутри региона.

Заметно усилилось влияние политических ссыльных в социал-демократических организациях Сибири. В городах региона работали большевики: И.С. Бабайлов, С.М. Бальбатов, А.И. Беленец, И.И. Белопольский, А.М. Буйко, С.Ф. Васильченко, В.И. Вельман, А.М. Ветошкин, Д.П. Долбешкин, Г.Е. Дронин, М.И. Жаков, М.М. Загуменных, А.А. Звездов, С.И. Канатчиков, И.Е. Клименко, П.А. Коваленко, Н.Л. Мещеряков, Е.А. Преображенский и др.

В 1915–1916 гг. большевики провели партийные конференции и совещания в Нарыме, Монастырском, Енисейске, Минусинске. Координировали партийную работу в местах ссылки В.П. Антонов-Саратовский, В.А. Ватин, Ю.К. Данишевский, Г.И. Ломов-Оппоков, К.И. Николаева, Г.К. Орджоникидзе, Я.М. Свердлов, Е.Д. Стасова, Н.Н. Яковлев, Е.М. Ярославский. Большим влиянием среди социал-демократов обладали и депутаты 4-й Государственной думы большевики – А.Е. Бадаев, М.К. Муранов, Г.И. Петровский,

Ф.Н. Самойлов и Н.Р. Шагов, сосланные на поселение в Сибирь в 1915 г.

В годы Первой мировой войны сильные группы меньшевиков сложились в Иркутске, Минусинске, Ачинске, Красноярске, на приисках Лензото, Новониколаевске, Томске. Через сибирскую ссылку прошли многие видные меньшевики: С.Л. Вайнштейн, В.А. Ванновский, М.Л. Киселевич, И.М. Майский, Д.Ф. Сверчков (Тобольская губ.), И.М. Витол, К.Е. Канделаки, И.И. Маловичко, В.Е. Мясоедов, И.М. Олимпиев, И.С. Олимпиев, И.С. Повес, А.А. Предтеченский, М.Г. Рафес, Д.И. Розенберг, Н.И. Чистов, В.В. Худокормов, В.К. Цауне (Нарымский край), А.В. Байкалов, Е.Л. Бройдо, И.М. Буксин, Б.И. Гольдман, Л.Г. Дейч, К.М. Ермолаев, В.И. Николаев, Б.И. Николаевский (Енисейская губ.), П.А. Аникин, В.А. Анисимов, Г.Е. Белоусов, Г.С. Вайнберг, Л.И. Гольдман, А.П. Кубиков, И.И. Кириенко, Н.А. Рожков, А.Б. Романов, И.И. Рункевич, А.К. Скрынников, А.П. Станчинский, П.Н. Стечкин, С.Н. Салтыков, И.Г. Церетели (Иркутская губ.), В.А. Плесков (Забайкалье), В.Д. Виленский-Сибиряков, Н.С. Ершов, Н.Е. Олейников, Г.О. Охнянский, А.Г. Метельшин-Красносельский, С.П. Никифоров, П.Ю. Перкон (Якутия). Находившийся в административной ссылке в Минусинске известный меньшевик Ф.И. Дан был в конце 1915 г. мобилизован в качестве военного врача.

Активную нелегальную работу вела часть эсеровских групп в Сибири. Ранее других проявила себя группа «молодых» эсеров в Иркутске во главе с А.И. Сартаковым, издавшая антивоенную листовку и готовившая выпуск газеты «Набат» (лето–осень 1914 г.). Собрания эсеров в с. Яланское и с. Рыбное приняли антивоенные резолюции. Ссыльные эсеры-интернационалисты А.П. Лисиенко, Б.Д. Марков, М.Я. Линдберг инициировали объединение интернационалистки настроенных эсеров. В декабре 1915 г. на конференции в Мариинске они основали «Сибирскую группу социалистов-революционеров». На второй конференции в марте 1916 г. группа назвала себя «Сибирским союзом социалистов-революционеров». Ее антивоенные листовки распространялись в Енисейской и Томской губерниях.

Наиболее активная часть ссыльных анархистов во главе с И.М. Гейцманом (Хаимом Лондонским) была арестована в октябре 1914 г. Пропаганда анархистов была наиболее успешной среди черемховских шахтеров, что получит подтверждение при образовании Советов в Черемховском каменноугольном районе в 1917 г.

Центром деятельности бундовцев в годы Первой мировой войны стала Иркутская губерния и южные уезды Енисейской губернии. Здесь же сосредоточилось большое число евреев-беженцев из прифронтовой полосы. Сибирскую ссылку отбывали активные деятели Бунда Х. Айзенштадт, А. Бляхман, А. Виннокамень, Н. Годовский, Я. Железняков, И. Зусман, Б. Мендельсон, О. Меер и др. Прибыв в ссылку, бундовцы создавали кассы взаимопомощи, столовые, библиотеки. К осени 1915 г. из ссыльных бундовцев выделилась «Иркутская бундовская группа» из 20 человек. Группа усилила помощь ссыльным бундовцам и евреям-беженцам, получая средства от Московской бундовской группы Красного Креста, из-за границы, от «самообложения», лотерей и спектаклей. В ноябре 1916 г. бундовцы и рабочие-евреи провели успешную забастовку на кожевенном заводе Фукса.

Сокращалось число польских ссыльных в Сибири. Так, если с 1906 по 1910 гг. сюда было сослано 1292 человека, с 1911 по 1914 г. – 352, то с 1914 по 1917 г. – 152, среди которых наибольшей была доля социал-демократов.

С августа 1914 г. самым острым вопросом среди ссыльных стало отношение к войне. Ссылка раскололась на оборонцев, пораженцев, центристов, не определившихся. Из доклада Иркутского губернского жандармского управления за октябрь 1915 г.: «Ссыльнопоселенцы в своих мнениях как о войне, так и в вопросах общественного движения разделились, причем одни желают призыва их на войну, другие ждут амнистии, а третьи – относятся отрицательно как к войне, так и ко всякого рода

действиям правительства» [9, л. 50]. От отношения к войне зависела и допустимость нелегальной работы в ссылке – вести революционную деятельность против правительства или, пока идет «священная битва с тевтонами», забыть о «миссии» и «предназначении русского пролетариата»?!

Для части ссыльных вопрос об отношении к войне приобрел прямое личное значение. Часть административно-ссыльных призвали в армию. С сентября 1916 г. из Нарымской ссылки в Сибирские стрелковые запасные полки было отправлено до 300 человек [12, с. 18]. «Расценивая дезертирство как измену партийному знамени, ссыльные социал-демократы, переодетые в солдатские шинели, вместе с эсерами и меньшевиками-интернационалистами не только расширили сеть нелегальных кружков, но и создали на их основе ряд военных организаций, став во главе их в Красноярске (А.С. Енукидзе и С.И. Петриковский), Томске (В.М. Косарев, В.И. Репин, И.Н. Смирнов, Н.Н. Яковлев и др.) и Новониколаевске (А.Ф. Клеппер, Д.К. Озолинь и П.Л. Пахомов)» [42, с. 146]. Призванные политические ссыльные по инициативе Н.Н. Яковлева в Томске создали нелегальный «Военно-социалистический союз», объединивший большевиков, меньшевиков и эсеров для революционной пропаганды. С ноября 1916 г. по февраль 1917 г. эта организация в подпольной типографии напечатала несколько воззваний и довела свою численность до 200 человек [29, с. 8]. Типография в Томске была организована на средства, присланные из Москвы в помощь мобилизованным в армию ссыльным. В первую половину 1917 г., по оценке И.Н. Смирнова, Томский гарнизон играл для Сибири роль Кронштадта – радикальной военной силы, именно из-за деятельности «Военно-социалистического союза».

После получения известий о свержении монархии в административных центрах Сибири 2–5 марта 1917 г. начали создаваться общественные комитеты. В разных городах они именовались по-разному, в названиях сочетались слова «общественный», «безопасность», «порядок» – Комитет общественной безопасности (КОБ), Комитет общественных организаций (КООРГ) и т. п. Комитеты обратились к населению с призывом сохранять спокойствие и исполнять распоряжения Временного правительства, чьи телеграммы газеты Сибири впервые опубликовали 4 марта [13, 27]. Всего весной 1917 г. в Сибири было образовано не менее 35 городских и 424 сельских комитетов [39, с. 34, 36].

Бывшими ссыльными были четверо из восьми первых руководителей КОБов крупнейших городов Сибири: 4 губернских (Тобольск, Томск, Красноярск, Иркутск) и 3 областных (Омск, Чита, Якутск) центров, а также Новониколаевска.

Тобольский временный комитет общественного спокойствия возглавил народный социалист В.Н. Пигнатти, бывший ссыльный, видный археолог, этнограф, краевед. В прошлом этого, 40-летнего ученого, было исключение из Московского университета за политическую деятельность, обучение и звание бакалавра Парижского университета, а с 1906 г. – служба частным поверенным при Тобольском окружном суде. 13 марта 1917 г. В.Н. Пигнатти был назначен Тобольским губернским комиссаром Временного правительства.

В Красноярске инициатива создания КОБа принадлежала политическим ссыльным, работавшим в кооперации. Избранный его председателем В.М. Крутовский особо подчеркивал: «Повсюду в Сибири, с первыми же вестями о событиях в Петрограде, во главе местного движения смело встали политические ссыльные. Местные люди все-таки были осторожны, колебались и выжидали, а у «политиков» никаких колебаний не было. Им рисковать было нечем. Они смело пошли на форум и заняли первые места в революционном движении» [4]. В Красноярский КОБ из видных ссыльных входили большевик А.Г. Шлихтер и эсер В.Я. Гуревич.

В Иркутске на первом заседании комитета общественных организаций в ночь на 3 марта 1917 г. присутствовали «представители городской Думы, кооперативов, продовольственных попечительств, профессиональных союзов и т. д. Численно преобла-

дали местные общественные деятели из «левых». Но много было также и политических ссыльных, и именно им принадлежала в собрании руководящая роль» [5, с. 11, 15]. Председателем исполкома Иркутского комитета общественных организаций избран ссыльный меньшевик И.Г. Церетели, его помощником ссыльный эсер А.Р. Гоц. Они возглавили меньшевистско-эсеровский блок комитета, за которым поначалу без разногласий шли как правые элементы, так и большевики. Церетели – бывший лидер социал-демократической фракции во 2-й Государственной думе, член аграрной секции, страстный оратор, настоящий «генерал от революции». Гоц в начале марта 1917 г. проявил себя не столько социалистом-теоретиком, сколько революционером дела, практики. «Ему так нравилось в эти дни разъезжать по Иркутску в военном автомобиле и арестовывать видных чиновников» [26, с. 321].

Среди членов губернского комитета также выделялись социал-демократ В.С. Войтинский и бывший депутат 2-й Государственной думы эсер В.Г. Архангельский. Архангельский в середине марта 1917 г. в Иркутске на одном из собраний поднял вопрос о слиянии партии социалистов-революционеров и социал-демократической партии в единую русскую социалистическую партию. «Разногласия наши настолько незначительны, – говорил он, – что нам следует поступиться во имя единства социалистического движения» [19, с. 466]. Однако идея не встретила поддержки ни у эсеров, ни у социал-демократов.

Кроме губернского в Иркутске образовался и краевой комитет общественных организаций, чьи полномочия распространялись на всю Восточную Сибирь. Его первым руководителем номинально стал меньшевик Н.С. Чхеидзе, находившийся в Петрограде. 11–12 марта 1917 г. его сменил бывший ссыльный эсер А.Н. Кругликов, который с сентября стал и краевым комиссаром Временного правительства. С марта по ноябрь 1917 г. он же возглавлял исполнительный комитет общественных организаций Иркутска.

На краевом съезде общественных организаций в Иркутске 25–26 июля 1917 г. присутствовали представители от Иркутской и Енисейской губерний, Якутской и Забайкальской областей. Организаторы распространили среди 66 делегатов анкету, на которую ответил 61 человек. В партийном отношении преобладали эсеры – 23 человека и социал-демократы (преимущественно меньшевики) – 22 делегата. Кадетов двое, по одному делегату прислали автономисты-федералисты, областники, синдикалисты. Беспартийных было 11 человек. Две трети делегатов подвергались аресту, а в общей сложности 42 человека провели в заключении 163 года, из них 86 лет на каторге. Их средний возраст составлял 36 лет. Национальная принадлежность делегатов: русских – 40, бурят – 7, евреев – 6, поляков – 3, латышей – 3, украинцев – 2.

Якутский КОБ создан 4 марта 1917 г. Для решения текущих дел было избрано Исполнительное бюро КОБа во главе с Г.И. Петровским, членом центрального комитета РСДРП и бывшим издателем газеты «Правда». В исполнительное бюро вошли также бывшие ссыльные большевики Е.М. Ярославский, П.А. Слепцов (Ойунский), меньшевики Г.О. Охнянский, Н.Е. Олейников, М.В. Акуловский, эсеры П.Ю. Пивоваров, В.Н. Соловьев и И.М. Бланков [33]. 6 марта КОБ избрал Петровского Якутским областным комиссаром, после чего Временное правительство утвердило его в этой должности. 14 апреля председателям Якутского КОБа избран Г.О. Охнянский. В состав переизбранного исполнительного бюро вошли: 5 большевиков, 6 меньшевиков, 7 эсеров, 3 представителя национальной интеллигенции из союза «Свобода».

В середине мая 1917 г. Петровский и Охнянский объявили о выезде в центр, после чего Якутский КОБ избрал председателем меньшевика П.Ю. Перкона, а после и его отъезда – меньшевика Н.Е. Олейникова. Якутским областным комиссаром избран правый эсер В.Н. Соловьев. Родившийся в Якутске в 1882 г. Соловьев сам не был ссыльным, но являлся идейным «выучени-

ком прежней (до 1905 г.) ссылки», в частности И.И. Майнова [18, с. 45; 44].

КОБы в Омске, Томске, Чите, Новониколаевске возглавили не ссыльные. Так образованный Томской городской думой 2 марта временный комитет общественного порядка и безопасности возглавил Б.М. Ган, присяжный поверенный. Членами Томского комитета являлись бывшие ссыльные большевики А.Ф. Иванов, А.В. Шотман, Н.Н. Яковлев, эсер М.П. Рудаков. По всем важным вопросам Ган совещался с Шотманом и Яковлевым.

Председателем Забайкальского комитета общественной безопасности стал ветеринарный врач А.А. Дудукалов. Его первым заместителем стал меньшевик ссыльный В.А. Анисимов, причем «имевшим большой удельный вес» социал-демократам «единодушно» предлагали и председательство в КОБе, но они отказались [31, с. 37].

В Новониколаевске 3 марта комитет общественного порядка и безопасности возглавил эсер Н.Е. Жернаков – не ссыльный, но его заместителями стали социал-демократ Н.А. Рожков и эсер А.В. Сазонов, оба бывшие ссыльные. Рожков – известный историк, исследователь сельского хозяйства России, бывший приват-доцент Московского университета. Родившийся в 1861 г. Сазонов неофициально именовался «дедушкой политических ссыльных», а к 1917 г. являлся членом правления сибирских кооперативных союзов Закупсбыт.

На уездном уровне ссыльные также активно участвовали в организации КОБов. В Минусинске при выборах КОБа исходили из принципа – «побольше местных общественных деятелей и несколько ссыльных знаменитостей». В Верхнеудинске объединенный комитет общественных организаций возглавил меньшевик И.А. Пятидесятников, Олекминскский КОБ – эсер А.И. Шафран. В исполнительный комитет 17 общественных организаций Киренска преимущественно вошли именно ссыльные [38, с. 221]. Из четырех членов президиума Бодайбинского объединенного комитета общественных организаций двое были бывшими ссыльными: Березин и Я.С. Щербинин. Первый одновременно возглавил милицию, второй являлся и заместителем председателя Бодайбинского Совета рабочих депутатов [15, с. 235]. Бодайбинским уездным комиссаром стал также бывший ссыльный меньшевик Мартынов (он же Романов) – служащий железной дороги.

Всего же в городах Сибири в 1917 г. не менее 74 ссыльных входили в состав 33 временных комитетов. 33 ссыльных активно работали в органах городского и земского самоуправления. Некоторые возглавляли в разное время городские думы: в Красноярске – меньшевик-интернационалист Я.Ф. Дубровинский, меньшевик А.П. Музыкин, большевик М.И. Зелтынь; в Барнауле – меньшевик В.И. Николаев; в Иркутске – эсер Н.А. Чичинадзе.

Таким образом, повсеместно в Сибири политические ссыльные выступали лидерами в формировании новых политических структур: КООРГов и КОБов, сельских временных комитетов, Советов, городского и земского самоуправления и т. д. Эти новые общественные органы в свою очередь активно включились в процесс строительства новой исполнительной власти. В разное время 11 ссыльных, в том числе шесть эсеров, два большевика и два народных социалиста занимали должности комиссаров Временного правительства.

Опасавшиеся «реакции» политические ссыльные инициировали решения временных комитетов об арестах представителей царской администрации. Большое внимание уделялось разоблачению секретных сотрудников охранных отделений, в т. ч. из числа политических ссыльных. Имена и данные осведомителей публиковались в газетах [16].

3 марта 1917 г. Временное правительство обнародовало декларацию о своем составе и задачах, в числе которых называлась и «полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.» [3]. Министр юстиции А.Ф. Керенский разослал соответствующие телеграммы, а 6 марта издан указ о политической амнистии. Освобождению подлежа-

ли лица, осужденные за деяния, совершенные по политическим побуждениям.

Уже 3 марта Иркутский комитет общественных организаций предписал администрации Александровского централа освободить политических каторжан и отправил своих представителей в Иркутскую губернскую тюрьму. Один из них В.С. Войтинский вспоминал: «Много оказывалось сомнительных случаев: статья уголовная, но мотивы преступления политические, связанные с революцией. Мы толковали постановление об освобождении политических так широко, как только было возможно. Подлежащих освобождению оказалось несколько сот человек» [5, с. 13–14]. В Александровском централе администрация и политические ссыльные образовали совместную комиссию по амнистированию. За два дня работы комиссия освободила 315 политкаторжан. Одни освобожденные пожелали добровольно поступить в армию, чтобы «воевать до победного конца», другие стремились в Петроград к «революционной работе».

Из тюрем Нерчинской каторги начали освобождать политических заключенных утром 4 марта. 8–10 марта Чита торжественно встречала амнистированных. К середине марта 1917 г. в Забайкалье освобождены 229 политкаторжан, затем еще 150 человек, политический характер осуждения которых удалось подтвердить. Забайкальский областной КОБ принял решение о ликвидации Нерчинской каторги [40, с. 232].

В губернских и областных городах были созданы комитеты помощи амнистированным, в которые вошли и 37 политических ссыльных. Так, например, Иркутский комитет состоял в основном из освобожденных каторжан Александровского централа [10, л. 14].

Амнистия пополнила ряды политических групп опытными испытанными кадрами, на время превратила ссыльных в главных героев революции в глазах населения. Она же облегчила процесс создания широкой сети легальных партийных организаций.

Ссыльные составили руководящий костяк эсеровских структур в городах Сибири: в Тюмени (А.Е. Коряков), Омске (П.Я. Дербер), Новониколаевске (Б.Д. Марков, В.Г. Шишканов), Томске (М.Ф. Омельков, Ф.С. Семенов), Мариинске (В.Н. Махов, М.Я. Линдберг), Красноярске (Е.Е. Колосов, И.В. Казанцев, И.М. Прохоров, Б.Ф.Тарасов, В.Я. Гуревич, Н.В. Фомин), Иркутске (В.Г. Архангельский, А.А. Брудерер, И.А. Якушев, А.Н. Кругликов, В.С.Войтинский), Чите (М.А. Магазинер, М.А. Спиридонова, А.М. Флегонтов). В дальнейшем уже в рамках партийных ячеек принимались решения, кому отправиться в центр, «где решается судьба революции», а кому остаться в сибирских городах.

Ссыльные являлись инициаторами возрождения и крупных объединенных организаций социал-демократов: Красноярской (большевики Н.Л. Мещеряков, И.А. Теодорович, М.И. Фрумкин, А.Г. Шлихтер, меньшевик А.В. Байкалов), Иркутской (большевик В.И. Вельман, меньшевик И.Г. Церетели), Томской (большевики А.И. Беленец, В.М. Бархатов, А.В. Шишков, меньшевик Н.С. Васильев), Читинской (большевики Е.А. Преображенский, И.В. Резников, В.Н. Соколов, меньшевик Ф.В. Горский), Барнаульской (большевик М.К. Цаплин, меньшевики В.И. Николаев, А.В. Спекторский), Омской (большевик З.И. Лобков, меньшевик-интернационалист К.А. Попов). Лобков же избирается секретарем крупнейшего профсоюза Омска – союза металлистов [17, с. 155].

После февральской революции 1917 г. различные политические силы продолжили и многократно усилили борьбу за выбор пути дальнейшего развития России. Накал этого противоборства непрерывно нарастал и роль бывших ссыльных в нем трудно переоценить. Ключевые события происходили в Петрограде, куда и стремились руководители и активные представители всех политических партий. Например, уже 12 марта большевики М.К. Муранов, Л.Б. Каменев и И.В. Сталин прибыли из Сибири в Петроград, где до приезда 3 апреля В.И. Ленина фактически руководили партией. Социал-демократы И.Г. Церетели и

В.С. Войтинский, эсер А.Р. Гоц, выехали из Иркутска в столицу 13 марта. Большевик Я.М. Свердлов 21 марта выехал из Красноярска в Петроград. Именно в столице скоро столкнулись три потока политических активистов: легально действовавших при монархии, возвращавшихся из сибирской ссылки, прибывающих из эмиграции через Швецию и Японию. Борьба идей и программ развернулась как между этими группами, так и внутри них. С большим трудом даже в рамках отдельных партий налаживалось сотрудничество бывших ссыльных с бывшими эмигрантами.

Руководство партий, избранная ими тактика, нарастающее соперничество требовали решительного организационного и идейного обособления. В частности, 4 апреля 1917 г. В.И. Ленин сформулировал три главные политические задачи большевиков: дискредитация Временного правительства в глазах народа с целью лишения его народной поддержки; дискредитация эсеро-меньшевистского руководства Советов с целью завоевания большинства в них; затем переход государственной власти в руки Советов. В конце апреля 7-я Всероссийская партийная конференция большевиков после длительных споров поддержала курс В.И. Ленина на социалистическую революцию.

Нарастала поляризация политических взглядов, распространявшаяся от центра к периферии. В Сибири процесс размежевания социал-демократов шел медленнее, чем в центре России, и с большим трудом. На конференции организаций РСДРП Западной Сибири 23–26 апреля 1917 г. в Красноярске были приняты ленинские формулировки по оценке характера Временного правительства и отношению к войне. При массированном воздействии директив центра 30 мая красноярские большевики принимают решение о создании самостоятельной организации и избирают городской комитет. 25 июня на общем собрании социал-демократических организаций Красноярска происходит окончательный разрыв. 2 июля состоялось размежевание большевиков и меньшевиков в Барнауле. В Иркутске и Чите в июле напротив собрания подтвердили единство платформы социал-демократов.

Стремясь усилить влияние на рабочие массы, а также для подготовки общесибирского съезда Советов центральный комитет большевиков направил в Иркутск Б.З. Шумяцкого, В.Н. Яковлева, Я.Д. Янсона. При их участии 2 октября произошло разделение социал-демократической организации, большевики создали самостоятельный комитет во главе с К. Гершевичем. Решающее размежевание большевиков и меньшевиков произошло на съездах Советов в октябре 1917 г. В Забайкалье же, на Алтае и в Тобольской губернии разделение единых социал-демократических организаций состоялось весной 1918 г.

Так в течении 1917 г. бывшие ссыльные разделились на два основных лагеря: на большевиков, провозгласивших курс на взятие государственной власти, и на сторонников «социалистического блока», состоявшего из части эсеров, меньшевиков, местных чиновников и интеллигенции, выступавших за продолжение Первой мировой войны. Представители разных партий, работая в КОБе или в Советах, боролись в новых условиях за влияние на рабочие и солдатские массы.

Теперь уже очевидными антиподами в борьбе за умы солдат выступали, с одной стороны, большевики Н.Н. Яковлев и И.Н. Смирнов – «революционные пораженцы», с другой – эсер А.А. Краковецкий – «оборонец».

Все трое родились в 1880-х годах, практически ровесники. За плечами Яковлева недолгая учеба в Московском университете, командование дружинами московских рабочих в декабрьском восстании 1905 г., заключение в крепости, высылка за границу, возвращение в 1913 г. в Москву и организация издания газеты «Наш путь», ссылка в Нарым, два побега и две поимки. С марта 1917 г. член Томского КОБа и член исполкома Томского Совета солдатских депутатов, с конца сентября – уполномоченный ЦК большевиков по Западной Сибири.

И.Н. Смирнов – член РСДРП с 1899 г., 7 арестов, 6 лет тюрьмы, 4 года ссылки. Ра-

бота в московском большевистском подполье в 1905–1909 гг. После февральской революции входил в исполком Томского Совета солдатских депутатов. В августе 1917 г. И.Н. Смирнов выехал в Москву, где возглавил им же организованное большевистское издательство «Волна». Отъезд не помешал его избранию в Учредительное собрание по списку большевиков от Томской губернии.

Подпоручик Краковецкий в феврале 1909 г. осужден на восемь лет каторги. С 1915 г. – на поселении в Иркутске, в марте 1917 г. вернулся на военную службу и возглавил Иркутский Совет военных депутатов. В мае 1917 г. военный министр Временного правительства А.Ф. Керенский «за заслуги в борьбе с царизмом» произвел А.А. Краковецкого через три звания в чин подполковника, и 23 июля он назначен временно командующим войсками Иркутского военного округа. 4 сентября А.А. Краковецкий переведен на должность заместителя командующего войсками Петроградского военного округа и в последующем активно боролся с большевиками.

В целом же из-за массового отъезда в марте – мае 1917 г. в Петроград, в Москву, в иные пункты Европейской России численность бывших политических ссыльных в Сибири существенно сократилась. Летом 1917 г. с открытием навигации на Лене смогли выехать в Европейскую Россию и сосланные в Якутскую область.

Тем не менее бывшие политссыльные сохранили ключевые позиции в политических структурах Сибири. На смену уехавшим выдвигались новые лидеры. Например, П.Д. Яковлев, решивший остаться в Иркутской губернии, становится лидером земского движения в регионе. Человек тонкий и лукавый, он умело использовал и свою молодость (26 лет), и ореол политического мученика (6 лет каторги за эсеровские экспроприации), и ораторский талант, и популярность среди крестьян Киренского уезда, избравших его председателем одного из волостных исполкомов [28, с. 268]. В августе 1917 г. Яковлев выходит из партии эсеров. В его активе также председательство в Иркутском губернском Совете крестьянских депутатов и губернской земской управы, роль редактора газеты «Наша деревня». Поддержкой избирателей стремились заручиться политические деятели всех взглядов. Так в феврале 1918 г. на 2-м съезде Советов Сибири большевик Я.Е. Боград будет представлять Союз крестьян Туруханского края неизвестной численности [22, с. 68, 77].

Бывшие ссыльные весьма деятельно участвовали в избирательной кампании в Учредительное собрание. По неполным данным, из 148 кандидатов 73 были ссыльными (49,3%). Из избранных в Сибири 49 депутатов Учредительного собрания 26 (53,1%) были ссыльными. Среди бывших ссыльных усиливается политическая дифференциация, партии и фракции занимают все более враждебные позиции друг к другу**.**

Если к февралю 1917 г. ссыльные находились в 262 населенных пунктах, то к началу 1918 г. – только в 99, причем главным образом в городах. В девяти центрах учтено 673 ссыльных, или почти две трети всего актива, в том числе: в Омске – 62, Томске – 149, Красноярске – 109, Иркутске – 179, Чите – 82, Якутске – 46, Барнауле – 31, Тобольске – 20, Тюмени – 21 человек. Небольшие группы оставались также на Ленских приисках, в Черемхово и Кузбассе.

Определяющую роль ссыльные сыграли при создании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В Томске особую активность проявили большевики В.М. Косарев, М.Ф. Левитин, А.И. Беленец, эсеры В.М. Крутиков, С.А. Кудрявцев; в Красноярске – большевики Г.С. Вейнбаум, А.И. Окулов, Г.И. Окулова-Теодорович, Б.З. Шумяцкий. Первыми председателями Советов стали бывшие ссыльные: меньшевик-интернационалист К.А. Попов в Омске, меньшевик-интернационалист Я.Ф. Дубровинский в Красноярске, меньшевик В.И. Шмелев в Барнауле, Тимофеев в Бодайбо и т. д.

Из действовавших в Сибири к октябрю 1917 г. 157 Советов 293 бывших ссыльных участвовали в деятельности 62. Среди руководителей Советов прошли ссылку 29 большевиков, девять меньшевиков-

интернационалистов, четыре меньшевика-центриста, 10 эсеров. В составе центрального исполнительного комитета Советов Сибири (Центросибири) из 80 человек работали 20 ссыльных большевиков, один социал-демократ-интернационалист, три левых эсера, три эсера-максималиста, два анархиста. После Б.З. Шумяцкого председателем Центросибири стал с 15(28) февраля 1918 г. уже известный нам Н.Н. Яковлев.

Новые должности меняют и быт ссыльных. Все виды прежней дореволюционной работы исчезают, перекраиваются методы взаимопомощи, дружеской спайки, всё начинает измеряться современной политической позицией ссыльного. Вчерашний друг – сегодняшний враг – не мог уже рассчитывать на примитивную помощь в виде приискания работы. Ссыльные, занявшие должности в аппаратах новой власти, подбирают кадры работников не по способностям, а по мировоззрению, развивается протекционизм. При встречах со старыми знакомыми по ссылке задавался обычно вопрос: «правый ты или левый?» и в зависимости от ответа, выстраивались дальнейшие взаимоотношения.

Даже в небольших городах среди ссыльных возникала своеобразная специализация. Например, в Минусинске ссыльные Адамович и Яковлев организовали «Союз защиты революции», Ю.П. Гавен и другие налаживали взаимодействие минусинских рабочих и солдат гарнизона, группа ссыльных народников (Бедро, Е.Д. Добров, Л. Злобина, В. Карцев, П. Силин, П. Тарелкин и др.) работала в крестьянской кооперации; К.И. Адасинская, В.Г. Вишняков, А.Н. Пономарев, С.И. Румянцев и др. – в обществах кредитования; Ю.К. Педаяс организовал единый профсоюз рабочих.

В целом же влияние бывших политссыльных в профсоюзном и кооперативном движении Сибири было подавляющим. В 1917 г. 119 ссыльных участвовали в работе профсоюзов в 25 городах и рабочих поселках. Они входили в руководство крупнейших союзов горнорабочих, железнодорожников, возглавляли центральные бюро профсоюзов Омска, Барнаула, Новониколаевска, Иркутска, фабзавкомов Красноярска. Среди ссыльных-активистов профсоюзного движения было 64 большевика, 29 меньшевиков, 23 эсера, один анархист. В кооперации активно в 29 населенных пунктах действовал 121 ссыльный. Их партийный состав существенно отличался от состава профсоюзного актива, здесь преобладали, как и в годы войны, эсеры – 70 человек, затем шли меньшевики – 22, большевики – 18. Ссыльные эсеры возглавили почти все губернские и общесибирские кооперативные объединения. В руководстве кооперативным движением выделялись эсеры: Н.В. Фомин, И.А. Ловцов, В.Н. Махов, А.В. Сазонов, И.В. Казанцев, А.И. Погребецкий, В.Л. Бурыгин, а также меньшевик А.В. Байкалов. Влияние большевиков было ощутимым лишь на рабочую кооперацию в Красноярске и Чите [35, с. 111].

Представляет интерес социальный состав оставшихся в Сибири ссыльных – 31,6% на рубеже 1917–1918 гг. отнесены к рабочим, тогда как в годы Первой мировой войны они составляли 46,8%, сократилось также количество неопределенных, а вот доля служащих выросла – с 22,7% до 58,4%. Это свидетельствует, что значительное число ссыльных из рабочих перешли на руководящую партийную, советскую и профсоюзную работу. Отмечен неуклонный рост среди бывших политических ссыльных лиц умственного труда. По уровню образования они по праву вошли в состав местной политической элиты.

Анализ партийного состава говорит об усилении роли большевиков среди ссыльных, оставшихся в Сибири к началу 1918 г., – 41% против 23,4% в годы Первой мировой войны, меньшевиков – 10,9% против 3,2%, а также эсеров – с 19,1% до 25,5%. Можно сделать вывод об укреплении роли социалистических партий, а также о резком увеличении влияния сторонников В.И. Ленина. И наоборот, анархисты, сторонники ППС, Бунда, СДЛК, СДКПЛ, а также «прочие», неуклонно утрачивали свои позиции.

Из 1054 ссыльных, оставшихся в Сибири, за власть Советов боролись 586 чел. (55,6%), против нее выступали 205 (19,4%), не выяснено поведение 263 чел. (25%). Можно предположить, что в действитель-

ности противников у новой власти было несколько больше, надо иметь в виду, что подсчитывались анкеты 1920-х годов, когда к победившим большевикам стремились примкнуть из корыстных соображений.

В Гражданской войне среди бывших политических ссыльных были значительные жертвы. Сражаясь за Советскую власть, погибло 132 человека, из них 96 большевиков. В то же время погибли 12 правых эсеров и меньшевиков, причем 7 из них стали жертвой колчаковцев, а 5 были расстреляны большевиками. Общие потери ссыльных, оставшихся в Сибири, составили 177 человек, или 16,8% от их числа [35, с. 112].

Среди них социал-демократы И.И. Белопольский, Г.С. Вейнбаум, Я. Дубровинский, А. Перенсон, В.Н. Яковлев (в Красноярске), А.П. Вагжанов, Н.А. Гаврилов, В.М. Серов (в Чите), эсеры Н.В. Мазурин (в Омске), Х.П. Гетоев, Б.П. Кларк (в Чите), И.С. Ошко (в Верхнеудинске), анархисты В.Д. Добромильский (в Чите) и Н.Ф. Степанов (в Благовещенске) [20].

Часть осужденных когда-то царским судом большевиков, практически все меньшевики и эсеры, в 1920–1930-х годах вновь уже большевистской властью отправлены в ссылку или расстреляны. Среди расстрелянных большевики В.Д. Виленский-Сибиряков, Ю.П. Гавен, А.С. Енукидзе, И.А. Зеленский, Л.Б. Каменев, Л.М. Карахан, З.И. Квиринг, А.С. Киселев, С.В. Косиор, Н.Л. Мещеряков, Г.А. Мучник, И.Н. Смирнов, И.А. Теодорович, М.И. Фрумкин, Н.Ф. Чужак-Насимович, А.В. Шотман, Б.З. Шумяцкий, Р.И. Эйхе, Я.Д. Янсон и другие; эсеры П.Я. Дербер, М.Я. Линдберг, А.А. Краковецкий, М.Ф. Омельков, П.Д. Яковлев и т. д. и т. п.

* * * * *

Велико и разнообразно влияние каторги и ссылки на развитие России. После Февральской революции политические ссыльные активно включились в борьбу за власть в Сибири, выступив в роли надежных проводников партийных идей в народные массы. «Узники самодержавия» сыграли определяющую роль в формировании новых политических структур, в обеспечении быстрого демонтажа царской администрации. Затем нараставшее, но медленнее, чем в центре, расхождение политических позиций, усиливающееся межпартийное и фракционное противостояние при растущем экстремизме большевиков развязало широкомасштабную Гражданскую войну. Трения среди победителей в ней – новой политической элиты России, включившей бывших эмигрантов и бывших ссыльных, останутся важным фактором внутриполитического развития СССР и в 1920-е и в 1930-е годы.

Статья поступила 01.01. 2014 г.

Библиографический список

1. Амброзевич Л. Ссыльные грузчики на Лене // Иркутская ссылка: сб. Иркутского землячества / под ред. В.В. Бустрема. М. : Изд-во ВОПиС, 1934.
2. Баранский Н. (Николай Большой). В рядах Сибирского социал-демократического Союза… Новосибирск, 1923.
3. Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта. № 1 (46).
4. В.К. Областное обозрение // Сибирские записки. 1917. № 4–5. С. 103–104.
5. Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений / под ред. Ю.Г. Фельштинского. Chalidze publications, 1990.
6. Высочайший манифест к 300-летию дома Романовых // Правительственный Вестник. 1913. № 43.
7. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 30. Ед. хр. 210. К. 1401.
8. ГАИО. Ф. 600. Оп. Оц. Д. 339.
9. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 891.
10. ГАИО. Ф. 773. Оп. 1. Д. 34.
11. Евсеева А.Н. Из истории мелкобуржуазных партийных группировок в Сибирской ссылке (1914–1916) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1981. Вып. VI. С. 83–92.

12. Евсеева А.Н. Политические ссыльные Нарымского края в годы Первой мировой войны // Томская областная партийная организация – боевой отряд КПСС. Томск, 1985.
13. Енисейский край. Красноярск. № 50. 4 марта 1917 г.
14. Иванов А.А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX в. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2001.
15. Иванов-Мартынов. От монархизма к Советам на далекой окраине // Иркутская ссылка. М., 1934.
16. Известия исполнительного комитета Общественных Организаций г. Иркутска. 1917. 10 апреля. № 31.
17. Зольников Д.М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск : Наука, 1969.
18. Константинов М. Мартовские дни у Ледовитого океана // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1925. № 2 (15).
19. Кроль М.А. Страницы моей жизни. М. : Иерусалим, 2008.
20. Мартиролог политических каторжан и ссыльнопоселенцев, погибших в гражданской войне // Каторга и ссылка. 1924. № 2 (9). С. 324–326.
21. Нарымская ссылка (1906–1917 гг.): сб. документов и материалов о ссыльных большевиках / под ред. И.М. Разгона. Томск, 1970.
22. Подвиг Центросибири: сб. документов. Иркутск, 1986.
23. Пономарев П. Вольные школы (1908–1917 гг.) // Иркутская ссылка. М., 1934.
24. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск : Наука, 1982.
25. Рекстин И. Из Александровского централа на волю // На волю!: сб. восп. к 10-летию Февральской революции. М., 1927.
26. Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.
27. Сибирская жизнь. Томск. № 50. 4 марта 1917 г.
28. Скорикова Н.А. Жизнь и деятельность П.Д. Яковлева после свержения Колчаковской власти в Сибири // Вестник ИрГТУ. 2011. № 3 (50).
29. Смирнов И. Февральская революция в Томске // Северная Азия, 1927. Кн. 1.
30. Смирнов И.Н. Нарымская ссылка накануне революции // Каторга и ссылка. 1927. № 5.
31. Соколов В. Февральский «переворот» в Чите // Северная Азия. 1927. Кн. 1.
32. Участники русского революционного движения эпохи борьбы с царизмом: Биографический указатель членов Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Москва : ВОПиС, 1927.
33. Федоров В.И. Трансформационные процессы в органах управления Якутской области после Февральской революции // http://sibistorik.narod.ru/project/conf2011/fedorov-vi.htm
34. Хазиахметов Э.Ш. Организация побегов политических ссыльных из Сибири в 1906–1917 годах // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978.
35. Хазиахметов Э.Ш. Роль бывших ссыльных в политической борьбе 1917–1918 гг. в Сибири // Исторический ежегодник. Омск. 1997. С 103–112.
36. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организации, революционные связи). Томск, 1978. С. 93–105
37. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка и Февральская революция //Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1976.
38. Черкунов А.Н. Революция 1917 г. в Киренске // Иркутская ссылка. М., 1934.
39. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003.
40. Шиловский М.В. Экономическая эффективность каторжного труда в Сибири во 2-й половине XIX – начале XX вв. // Сибирская ссылка: сб. научных статей. Иркутск : Оттиск, 2011. Вып. 6 (18).
41. Штульман Р. О составе Иркутского землячества Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Иркутская ссылка:

сб. Иркутского землячества /под ред. В.В. Бустрема. М. : Изд-во ВОПиС, 1934.
42. Щербаков Н.Н. Агитационно-пропагандистская деятельность политических ссыльных в составе сибирских организаций РСДРП (1907–1917) // Сибирская ссылка. Иркутск, 2000. Вып. 1 (13).
43. Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1973. Вып. 1.
44. Яковлев Э.М. В.Н. Соловьев: новые материалы к биографии // Якутский архив. 2005. № 1. С. 93–95.

Сведения об авторах

Иванов Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)960652, e-mail: ottisk@irmail.ru
Ivanov Alexandr Alexandrovich, doctor of sciences, professor of the Department of Political science, History and Regional studies, Irkutsk State University, 1 K. Marx St., Irkutsk, 664003, Russia, tel.: 8(3952)960652, e-mail: ottisk@irmail.ru
Новиков Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Иркутский государственный технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: 89021770852, e-mail: novikov710@yandex.ru
Novikov Pavel Alexandrovich, doctor of sciences, professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk State Technical University, 83 Lermontova St., Irkutsk, 664074, Russia, tel.: 89021770852, e-mail: novikov710@yandex.ru